

УДК 821.161.1:821.581“19/20”

Чжан Юаньюань

Аспирант, кафедра русской литературы,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, тел.: +7(342)2396396, e-mail: zyujudith@qq.com

ДВЕ ВЕТВИ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На протяжении последних трех десятилетий усилиями исследователей разных стран было издано множество антологий литературы русского зарубежья и научных статей, посвященных наиболее известным европейским русским писателям-эмигрантам. Однако исследований, ориентированных на дальневосточную ветвь литературы русской эмиграции, было опубликовано сравнительно мало. Статья посвящена исследованию истории становления и развития литературы русской эмиграции на Дальнем Востоке. В ней проводится сопоставление дальневосточной и европейской ветвей литературы русского зарубежья в тематическом и стилевом аспектах, выявляются художественные особенности произведений писателей-дальневосточников, а также их эстетические предпочтения и пути духовных исканий. Автор приходит к выводу о том, что обе ветви литературы русского зарубежья с самого начала своего возникновения имели много общего и находились в тесном взаимодействии; в то же время между ними имелись существенные отличия, проявившиеся в выборе тем и используемых мотивов, в особенностях индивидуальных стилей и системы художественных образов, в эстетических предпочтениях писателей, а также в путях их духовных исканий. Художественное новаторство, философские и религиозные размышления, отраженные в произведениях русских писателей-эмигрантов, а также их переводческая деятельность, стали убедительным свидетельством того, что русский народ обладает поразительным творческим потенциалом и энергией, которые позволяют в любых условиях сохранять национальное самосознание. Дальнейшие исследования позволят определить значение литературы русского зарубежья Дальнего Востока для развития культурного взаимодействия Запада и Востока, сформулировать выводы о своеобразии феномена литературы русского зарубежья на Дальнем Востоке, раскрыть его место в историко-литературном контексте XX и XXI вв.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, русская дальневосточная эмигрантская литература, литература русской европейской эмиграции, взаимосвязь, классические традиции русской литературы, межкультурная коммуникация.

Введение

В последние десятилетия дальневосточная литература русского зарубежья все больше и больше привлекает внимание исследователей. Особый интерес для современных литературоведов и культурологов представляет не только историко-литературный процесс и творчество конкретных писателей, но и изучение тенденции воссоединения в единый поток литературы «внутрироссийской» и «зарубежной».

История литературы русского зарубежья (эмиграции) как уникального массового явления, по мнению русского мыслителя и поэта Г. П. Струве, берет начало с 1920 г., «когда рядом последовательных эвакуационных волн множество русских было выброшено за пределы родины и пришла к концу более или менее организованная вооруженная борьба против большевиков» [Струве 1996: 27]. После поражения армии генерала Деникина остатки войск адмирала Колчака и другие беженцы эвакуировались на Дальний Восток, где они постепенно стали поселяться в китайских городах (прежде всего, в Харбине и Шанхае) и попытались воссоздать на чужой земле «русскую жизнь» – как материальную, так и духовную. До того времени в северно-восточном Китае уже жили и работали примерно 25 000 русских, строивших и обслуживавших Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД).

Значительное русское население проживало также в Шанхае, Тяньцзине, Ханькоу, Циндао, занимаясь торговлей и предпринимательством. Появление большого количества новых беженцев (среди которых оказалось немало интеллектуалов) способствовало быстрому формированию литературы русской дальневосточной эмиграции. Аналогичные центры «русского рассеяния» возникали в Европе (Париже, Берлине, Праге, Белграде, Константинополе) и Америке.

К 1921 г. за границы Советской России выехало большое количество известных писателей, завоевавших авторитет ещё до революции: И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, А. Н. Толстой, А. И. Куприн, Н. М. Минский, А. А. Поляков. В течение 1921–1923 гг. к ним присоединились Г. В. Адамович, Б. К. Зайцев, Г. В. Иванов, Вас. И. Немирович-Данченко, Н. А. Оцуп, А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева, И. С. Шмелев и некоторые другие.

Особо следует упомянуть российских интеллектуалов, которые осенью 1922 г. были высланы из Советской России на Запад на так называемом «философском пароходе», в числе которых были выдающиеся философы: Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, Ф. А. Степун и С. Л. Франк, а также многие известные историки, писатели,

журналисты, критики и другие. Это позволило Г. П. Струве написать в своей антологии «Русская литература в изгнании»: «<...> Почти все лучшее в русской дореволюционной прозе оказалось за рубежом» [там же: 29].

«Столицей» русских эмигрантов стал Париж, где были основаны первые эмигрантские газеты, которые внесли существенный вклад в развитие литературы: «Последние новости», «Возрождение» и другие. Активное участие в их издании принимали известные писатели: И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, В. Ф. Ходасевич, П. П. Муратов. Широкую популярность имела газета «Последние новости», которую читали не только во Франции, но и в других странах Европы, а также на Дальнем Востоке [там же: 30].

Огромную роль в литературной жизни русской эмиграции играл Берлин, где относительно мирно сосуществовали русские эмигрантские («Руль», «Голос России», «Дни», «Время» и др.) и советские газеты («Новый мир»). В Берлине активно функционировали Дом искусств и Клуб писателей, в работе которых плодотворно участвовали многие известные эмигрантские и советские писатели, критики, философы (в их числе – В. В. Маяковский, Ф. А. Степун, А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, Н. А. Бердяева, Н. М. Минский). Множество газет, журналов, книгоиздательств и учебных заведений возникло в Праге, где также проходили разнообразные лекции и собрания, посвященные русской культуре.

Харбин стал центром русского «восточного» зарубежья благодаря географическим особенностям, историческим и политическим условиям, в результате чего количество периодических изданий, выходивших в «провинциальном» городе в начале 1920-х гг., было больше, чем в культурных центрах Западной Европы.

Основная часть

Первое поколение эмигрантов стремилось сохранять связи с русской литературой XIX в. В своих произведениях они выразили тоску по Родине, с глубоким чувством оглядываясь в свое прошлое и пытаясь понять истоки национальной культуры. Особую роль в их творчестве играла *тема памяти*, что нередко выражалось в обращении к жанрам мемуаров и автобиографии.

Второе поколение русской эмиграции было связано с событиями, происходившими в Советском Союзе в 1930-е гг., а также со Второй мировой войной. Творчество писателей-эмигрантов второго поколения также выражало глубокую ностальгию. В своих произведениях они часто (с разных идеологических и культурных позиций) описывали жизнь России до войны, во время войны, а также в первые послевоенные годы. Второе поколение стремилось сохранить культурные связи со своей родиной, и именно поэтому в харбинских газетах, журналах и иных периодических изданиях нередко появлялись публикации произведений писателей-современников, живших в Советском Союзе, – таких, как А. Ахматова, С. Есенин, И. Бабель, М. Булгаков, Б. Пастернак, – а также рецензии на их сочинения.

Третье поколение русской эмиграции сформировалось в 1970-е гг. Его возникновение было обусловлено увеличением количества запретов в советском обществе и усилением цензуры, в результате чего многие писатели выехали из СССР за границу либо по своей воле, либо были высланы принудительно. Представители третьего поколения писателей-эмигрантов до своего отъезда были, по большей части, непосредственными активными участниками литературной жизни своей страны и хорошо знакомы отечественной читательской аудитории. По словам профессора Нанкинского педагогического университета Ван Цзечжи, созданные ими за рубежом произведения оказывались естественным продолжением отечественной литературной деятельности в другом времени и пространстве [Ван Цзечжи 2008: 6].

Таким образом, мы можем отметить, что на протяжении XX в. сформировалось «три волны» русской эмиграции. В конце 1980-х гг., когда в результате начавшейся «перестройки» рухнул «железный занавес», отделявший СССР от внешнего мира, начался процесс «возвращения» русской литературы, когда созданные эмигрантами художественные произведения, запрещенные для публикации при советской власти, наконец, стали доступны отечественным читателям.

В дальнейшем, благодаря усилиям исследователей из разных стран, было издано множество антологий произведений эмигрантов и научных статей, посвященных наиболее известным европейским писателям-эмигрантам, проживавшим в таких центрах литературы русского зарубежья, как Париж, Берлин, Прага, Белград и Константинополь. Однако исследований литературы дальневосточной ветви эмиграции, было создано сравнительно мало.

Основными центрами культурной жизни русской эмиграции в Китае являлись Харбин и Шанхай. «Харбин отличался от других городов Китая тем, что здесь проживало наибольшее число мастеров пера» [Хисамутдинов 2017: 5]. В 1920-е гг. Харбин оказывался по сути «русским городом»: в нем были построены жилые дома в русском стиле, созданы торговые предприятия, открыты православные соборы и разнообразные учебные заведения, издательства, художественные центры, библиотеки и т. п.; более того, в этом городе русские эмигранты могли без больших сложностей найти работу, даже те, кто совершенно не владел китайским языком.

В результате сочетания всех вышеназванных факторов литература дальневосточного зарубежья (по сравнению со своей «западной сестрой») приобрела ясный пафос. Писатели восточной ветви русского зарубежья считали себя прямыми наследниками и продолжателями традиций русской культуры, обосновывая это тем, что у них сохранялась «более естественная» связь с культурой «метрополии».

Первая газета русских эмигрантов «Маньчжурия» начала издаваться в 1918 г. в Харбине, затем здесь же стали выпускаться газеты «Заря» (1920 г.), «Новости жизни» (1920–

1927 гг.), «Русский голос» (1920–1921 гг.), «Сибирская жизнь» (1920 г.) и др. Начиная с 1920 г. в Харбине появились литературные журналы «Окно» (1920 г.), «Рубеж» (1927–1945 гг.) и др. В первой половине 1920-х гг. в Харбине возникли первые русские издательства, такие, как «Русское дело», «Маяк», «Русская жизнь» и др. В 1920-е гг. русские издательства стали появляться и в Шанхае, среди которых наиболее известными были «Издательство Мартенсона», Издательское товарищество «Восток», Типография «Ориенталь-Пресс» и др. Самыми влиятельными периодическими изданиями дальневосточной эмиграции в Шанхае были «Шанхайская заря» (1925–1940 гг.), «Понедельник» (1930–1934 гг.), «Новый путь», «Слово», «Дальневосточный вестник», «Свет». Особое место занимали «Русские записки» (1937–1939 гг.), которые выходили синхронно в Шанхае и Париже, «служа мостом, соединяющим эмигрирующих русских писателей в Китае с Парижем, столицей русской литературы зарубежья» [Ван Цзечжи 2008: 24]. Однако в дальнейшем рост международной напряженности привел к тому, что контакты между шанхайской и парижской редакциями были прерваны, в результате чего в Париж поступило только четыре номера «Русских записок» [там же: 24–25].

Центром литературной жизни для проживающих в Харбине русских писателей (особенно молодых) стало основанное в 1926 г. литературное объединение (литературный кружок) «Чураевка», постоянными участниками которого были А. Несмелов, А. Ачаир, В. Перелешин, Г. Гранин, Л. Андерсен, М. Волин, Вс. Н. Иванов, П. Лапикен, Ю. Крузенштерн-Петерц, Н. Щеголев, В. Петров, Вл. Слободчиков, Н. Петерц, Л. Хаиндрова, П. Балакшин, В. Янковская, М. Колосова и некоторые другие. Усилиями членов «Чураевки» стали публиковаться газеты «Молодая Чураевка» и «Чураевка», выходившие под редакцией Алексея Ачаира.

Сфера деятельности «Чураевки» была обширной, но главным была нацеленность на сохранение «русских корней». В объединении сохранялась атмосфера Серебряного века, культивировалась «салонная культура» начала XIX в.: молодые «чураевцы» читали стихи, заслушивали и обсуждали доклады о художественном творчестве: «... Первые заседания будущей “Чураевки” проходили под названием “вечера под зеленой лампой” – в полном соответствии с парижскими “вечерами” в доме Мережковских» [Забияко 2016: 86].

Помимо литературной студии в рамках объединения существовал «художественный сектор», во время заседаний которого известные харбинские художники обсуждали проблемы живописи, театральная студия, где артисты обмениваются мнениями по вопросам театрального искусства, а также музыкальная, вокальная и общественно-научная секции.

Писатели русского зарубежья на Дальнем Востоке обращали внимание не только на европейских эмигрантов, таких, как Д. Мережковского, И. Бунина или Сашу Черного, но и на советских писателей: Б. Пастернака, Б. Пильняка и И. Сельвинского. Стоит особо отметить, что И. Сельвинский лично участвовал в заседаниях «Чураевки», когда в 1930-е гг.

посетил Харбин. Деятельность «Чураевки» была замечена и на Западе: 29 марта 1934 г. в парижской газете «Последние новости» была опубликована статья Г. Адамовича, в которой критик дал положительную оценку изданию: «<...> Чураевцы служат России и ее культуре дельно, искренно, спокойно и умно: это одно из немногих зарубежных изданий, дающих право сказать, что “русская литература продолжается”» [Адамович 1934].

Однако ни русские парижане, ни историки русской литературы старшего поколения не проявили должного интереса к литературным достижениям провинциального Харбина. В антологии «Русская литература в изгнании» Г. Струве лишь коротко, всего в одном абзаце изложил информацию о деятельности дальневосточных поэтов, не усмотрев в ней художественной ценности и присутствия «неожиданных открытий»: «До Европы дошли лишь немногие из дальневосточных поэтов, и те, которые дошли, стоят на не очень высоком уровне. Общее впечатление от дальневосточной поэзии – провинциальность». При этом Г. Струве упомянул, что А. Несмелов, А. Ачаир, Н. Щеголев и В. Перелешин печатались в парижских журналах, указав, что среди них Перелешин «самый талантливый и приятный» [Струве 1996: 247–248].

Несмотря на существенные различия в выборе тем и мотивов, особенностей стиля и системы художественных образов, эстетических предпочтений и духовных исканий писателей, оба анклава литературы русского зарубежья – как в Западной Европе, так и на Дальнем Востоке – с самого начала своего становления имели много общего и находились в тесной взаимосвязи.

Во-первых, особое место в творчестве русских эмигрантов занимала поэзия: это было развитие тенденции, сформировавшейся в начале XIX в., которая была отмечена В. Г. Белинским: «Поэзия есть высший род искусства» [Белинский 1948: 294]. Высказывание русского критика указывало на то, что в стихах воплощаются все высшие проявления искусства, его красота и изящество. На протяжении XIX в. произошла интеграция русской литературы с мировым, в частности, с европейским искусством, что стало переломом в культурной, духовной, социальной и политической жизни страны и стимулировало дальнейшую интеграцию русской культуры в мировую, а также привело к возникновению в начале XX в. разных поэтических школ и ряда талантливых поэтов, многие из которых стали эмигрантами.

Наиболее известными поэтами-эмигрантами европейского крыла были Д. Бальмонт, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Г. Иванов, В. Ходасевич, М. Цветаева и некоторые другие. Подобная ситуация была характерна и для восточного крыла эмиграции: «<...> Наибольшее развитие из всех литературных жанров в эмиграции получила поэзия. <...> В поэтических строках эмигранты искали отклик на свои переживания по поводу ухода из России» [Хисамутдинов 2017: 9]. Наибольшую известность среди «восточных» писателей-эмигрантов имели А. Несмелов, В. Перелешин, М. Волин, А. Ачаир, Л. Ещин, Н. Щеголев, М. Волкова и некоторые другие.

Во-вторых, литература русского зарубежья, как европейская, так и дальневосточная ее ветвь, развилась под глубоким воздействием русской классической литературной традиции. Например, З. Гиппиус использовала в своем творчестве большое количество художественных образов, заимствованных из русского фольклора, мифологических и религиозных текстов, вложив в них новые смыслы. Неотделимы от русской классической литературы были жизнь и творчество М. Цветаевой: с детства она была очарована творчеством Пушкина, который своей поэзией согревал сердце поэтессы и не раз спасал ее душу после того, как она была вынуждена покинуть Россию.

Более того, литературное течение «западной» эмиграции, получившее название «Парижская нота», которое возникло в конце 1920-х гг., рассматривало ряд русских поэтов XIX в. в качестве духовных кумиров. С другой стороны, литература русского зарубежья активно (инициативно или подсознательно) вовлекла в творчество своих представителей многие элементы, связанные с культурной традицией мест, приютивших их.

Писатели-изгнанники сумели впитать в свое творчество «глубины чужого», и их творчество отразило художественные реакции на исторические перемены в жизни всего человечества и судьбе своего народа в чужом культурном пространстве. В этом аспекте ярко выделяются произведения В. Перелешина, который переходил от поверхностного интереса к культуре страны, приютившей русских эмигрантов, к обретению в своем творчестве принципов китайской поэтики.

В-третьих, и западноевропейские, и дальневосточные писатели-эмигранты постоянно обращались к теме России, описывая события первой мировой войны, революции, гражданской войны и другие. Изгнанники посвятили родине философские размышления о взаимосвязи личной судьбы человека и судьбы всей страны, ярко отразившиеся в стихотворных и прозаических произведениях Г. Адамовича, И. Бунина, А. Несмелова, М. Цветаевой.

В-четвертых, становление литературы русского зарубежья оказывалось тесно связано с литературой, развивавшейся в Российской империи в начале XX в. Это объясняется тем, что большинство представителей «первой волны» эмиграции, вынужденных из-за трагических социально-исторических перемен в жизни страны перенести свою творческую деятельность за границу, добились больших успехов еще в России и в дальнейшем сохранили художественный стиль, сформировавшийся на основе усвоенных ими классических традиций русской литературы.

Литературные традиции Серебряного века оказали значительное влияние и на молодых писателей русского зарубежья. Помимо этого, следует отметить, что контакты между писателями, живущими за границей и оставшимися на Родине, сохранялись на протяжении первых лет эмиграции, поскольку писатели, оставшиеся в России, имели определенную свободу и могли выезжать за границу. Местом общения между писателями-эмигрантами и

писателями, живущими в Советской России, был, например, Берлин, где в 1920-е гг. нередко происходили их встречи. В газетах и журналах, выходивших в Берлине, Константинополе, Праге, Брюсселе, Париже и других культурных центрах, публиковались произведения как «эмигрантских», так и «советских» писателей, а также рецензии на их произведения.

Следует отметить влияние русской классической традиции на произведения всех русских писателей, независимо от того, где они проживали. В их творчестве выразился русский образ мышления, национальные идеалы и размышления о будущем России, которые определили художественные особенности произведений, их тематику, проблематику и стиль. Тема «памяти о России» обусловила предпочтение писателями-эмигрантами мемуарных жанров, в которых делался акцент на самоанализ эмигрантского бытия, основанный на обращении к событиям минувших дней и размышлении о судьбе родины.

В качестве примера таких произведений можно назвать «Живые лица» З. Гиппиус, «Некрополь» В. Ходасевича, «Отражения» З. Шаховской, «Самопознание» Н. Бердяева и др. Аналогичная тенденция наблюдалась и на Дальнем Востоке: таковы были «Наш тигр: из воспоминаний о Владивостоке» А. Несмелова, «Два полустанка: воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая» В. Перелешина, «Русский Харбин» Е. Таскиной.

Сходство литературы русского зарубежья в Европе и на Дальнем Востоке проявлялось и в интересе к культуре Востока (в частности, Китая) с его уникальной историей, природой и культурой, который привлекал внимание не только «дальневосточных», но и «западных» писателей. Например, К. Бальмонт перевел на русский язык несколько китайских стихотворений, а также книгу Лао-цзы в форме поэмы под названием «Книга пути и благого чарования». Аналогичный труд предпринял выдающийся поэт-переводчик В. Перелешин, принадлежавший к дальневосточной ветви эмиграции, который перевел на русский язык «Дао Дэ Цзин» и серию китайских классических стихотворений.

Харбин стал местом, в котором активно формировался новый для русской литературы *китайский контекст*. «Китай <...> долгое время оставался для русских людей «не освоенной» в культурном плане страной (с «своей-чужой» культурой) и поэтому интерпретировался как экзотичная, «загадочная» для читателя страна, в связи с чем для китайского текста русской литературы особенно важными оказывались проблемы восприятия и интерпретации» [Кондаков, Краснаярова 2017: 124].

Исторические события, происходившие в 1920–1930-е гг. как в России, так и в Китае способствовали развитию интереса к событиям, происходившим на Дальнем Востоке. Отметим, что огромный интерес к Китаю выражался и в советской литературе 1920–1930-х гг. (произведения В. Маяковского, Д. Бедного, С. Третьякова, Б. Пильняка и других писателей): в ней акцентировались прежде всего не художественные, а политические аспекты «дружбы» с Китаем, который рассматривался как ближайший соратник в борьбе с

«мировым империализмом». Однако между западноевропейской и дальневосточной русской эмиграцией имелись существенные отличия. Одно из них заключалось в том, что для русских литераторов, проживавших в Европе, было характерно выражение в творчестве системных *идейных течений* (например, «сменовеховства», «евразийства», так называемых «пореволюционных течений» и некоторых других), а также участие в оживленной полемике по поводу различных литературных, философских и социальных проблем России, в то время, как писатели, проживавшие на Дальнем Востоке, испытывали меньший интерес к такой проблематике.

Активное участие «европейской» эмиграции в разнообразных идейных течениях было связано с тем, что на относительно свободном Западе проживало много представителей русской культурной элиты (философов, деятелей искусства, критиков и просто интеллигенции), которые размышляли о драматических изменениях истории и своей судьбе, о культурных и религиозных традициях России, искали выход из ситуации, думая о будущем своего народа.

В 1921 г. в Праге под редакцией Ю. В. Ключникова был издан сборник статей «Смена вех», авторы которого (Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Чахотин и Ю. Н. Потехин) признали историческую неизбежность событий большевистской революции; в своих выводах они основывались на анализе русских традиций, в частности, заложенных А. Н. Радищевым и В. Г. Белинским. «Сменовеховцы» пристальное внимание уделили литературе «новой России» и призывали писателей, живших по обе стороны границы, к деполитизации творчества и объединению.

Практически в то же время в Софии был опубликован сборник статей под названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», в котором впервые был предложен термин «евразийство» [Исход к Востоку 1921]. Евразийцы (П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкий, Г. В. Флоровский) относились к большевизму в целом отрицательно, однако «смиряться» перед революцией, признавая, что она «вскрыла» материальные и духовные недостатки России, выявила пороки социалистической идеи и одновременно показала спасающую силу Религии.

Выступая против европоцентризма, евразийцы обратили внимание на духовное богатство «всего евразийского мира», которое необходимо для всеобщего благополучия. В 1930-е гг. среди молодого поколения эмигрантов сформировались так называемые «пореволюционные» течения (И. И. Бунаков, Г. П. Федотов, Н. А. Бердяев, А. С. Штейгер, Ю. К. Терапиано, В. А. Мамченко, Л. И. Кельберин и Ю. В. Мандельштам), сторонники которых выразили недовольство по отношению к борьбе старшего поколения с большевизмом и призвали современное поколение эмигрантов к размышлению над вопросами о взаимоотношениях художника с обществом, о литературной свободе и социальной ответственности [Струве 1996: 154–159].

Выявляя причины отсутствия идейных течений в литературе эмиграции на Дальнем Востоке, следует иметь в виду социально-политическую ситуацию, определявшую жизнь русского населения. До оккупации Маньчжурии Японией жизнь харбинцев сохранялась почти в той же форме, какой она была на их Родине до революции и Гражданской войны: они жили, учились и работали, соблюдая национальные традиции, и не испытывали особых культурных противоречий: «Оторванность от родной почвы в Харбине переживалась не столь остро, как в Западной Европе» [Русская поэзия Китая 2001: 4].

Для дальневосточных эмигрантов не было характерно унылое настроение «парижской ноты» – они отличались активным восприятием действительности, стремлением участвовать в окружающей жизни, и поэтому они не имели особых стимулов для формирования противоречивых точек зрения и мотивации, необходимой для создания теорий. Ситуация изменилась в 1930-е гг., когда японцами после оккупации Маньчжурии была введена строгая цензура, что в еще большей степени препятствовало появлению идейных течений.

Другая особенность, отличавшая дальневосточную эмигрантскую литературу от европейской, состояла в обращении к теме Китая. В отличие от европейских писателей, которые переводили китайскую литературу, используя язык-посредник, русские писатели, проживавшие в Харбине или Шанхае (например, Ф. Камышнюк, Я. Аракин и В. Перелешин), владели китайским языком и могли самостоятельно, без подстрочника переводить на русский язык. «Китайская литература <...> стала мощным источником металитературной рефлексии», помогая в «усвоении тем, мотивов, образов, сюжетов, жанровых и стилевых форм китайской литературы в целях обогащения своего писательской арсенала традицией чужой культуры и обнаружения точек соприкосновения этой чужой культуры со своей» [Сенина: 2018].

Образ Китая занял важное место в творчестве Вс. Н. Иванова, Н. Байкова, А. Несмелова, П. Шкуркина, М. Щербакова, В. Перелешина. Поэт и критик В. Крейд выделял среди них В. Перелешина, который, с его точки зрения, мог рассматриваться как «наиболее плодovitый поэт азиатской диаспоры», сумевший «свободно подчинить форму своей художественной воле» [Крейд 1998].

Восприятие русскими писателями Китая было разным – в зависимости от их идейной позиции и творческой индивидуальности. Так, В. Перелешин, являвшийся знатоком китайской культуры и литературы, интерпретировал Китай как «вторую родину» и «ласковую мачеху»: он с большим интересом общался с китайцами и вместе с ними путешествовал по стране:

Плененный речью односложной
(Не так ли ангелы в раю?..)
любовью полюбил несложной
Вторую родину мою
[Перелешин 1975: 60–61].

Поэт создал большое количество стихотворений, в которых отразились художественные образы и стилевые приёмы, соответствовавшие принципам китайской поэтики. Китай стал для него не только художественным пространством и образом, но и благодатной почвой для творчества, неисчерпаемым источником культурных ассоциаций и стилевых приёмов [Кондаков, Чжан Ю. 2021].

Тема Китая играла большую роль в произведениях Вс. Н. Иванова [Якимова 2009: 72], который описал особенности традиционного китайского уклада:

И близко над оврагами
Из глины битый дом
Уж светится бумагою
Заклеенным окном
(из стихотворения «Сумерки») [Вс. Иванов: 1991].

Одним из ярких примеров глубокого постижения поэтом китайской культуры можно назвать его «Поэму еды», где в легкой ироничной форме выразился характерный для китайской цивилизации культ дружеского застолья:

Под звоны пустеющих рюмок
Неспешно свершается пир,
И вот перед нами, безумен,
Стерляжьей ухи нежный жир
[Вс. Иванов 1928].

Восточная тематика периодически возникала и в произведениях А. Несмелова (хотя она заняла в творчестве этого писателя меньшее место, чем в творчестве В. Перелешина или Вс. Н. Иванова), который, используя реалистические принципы, описал тяжелое положение Китая и китайского народа в трагический период его истории (стихотворения «Тайфун», «Около Цицикара», «Из китайского альбома») [Несмелов 2006]:

Так и тысячу лет назад
Шли они, опустив глаза,
Наклонив над дорогой лбы,
Человек и тяжелый бык
(из стихотворения «Около Цицикара») [Несмелов 2006: 140].

Следует отметить, что большинство произведений А. Несмелова было посвящено России; Китай ему «представляется темой, достаточно прозрачной и наименее интересной. <...> И в лирике, и в эпике Несмелову не столько важно связать толкование судьбы и истории с определенным этносом, сколько выразить свое отношение к русскости и потере родины» [Забияко 2016: 399].

Тема Китая с ее экзотичностью присутствовала и в произведениях других писателей зарубежья: М. Волина («Стихи о Китае»), Л. Хаиндровой («Китайская пашня»), М. Визи («Китайский пейзаж», «На китайском хуторе»), Е. Рачинской («Лотос»), А. Паркау («Лунный Новый год», «По китайскому календарю», «Харбинская весна»), Б. Волкова («В китайском павильоне»).

Заключение

За последние три десятилетия литературоведы создали много работ о европейских центрах литературы русского зарубежья (Париже, Берлине, Праге, Белграде, Константинополе), а также творчеству работавших в них известных писателей-эмигрантов. Однако культурная жизнь и литературные достижения русской дальневосточной эмиграции оставались изучены в значительно меньшей степени. «Ветви» литературы русского зарубежья в Западной Европе и на Дальнем Востоке имели общие истоки и с самого начала находились в тесном взаимодействии; с другой стороны, между ними имелись существенные отличия, проявлявшиеся в выборе тем и используемых мотивов, в особенностях индивидуальных стилей и системы художественных образов, в эстетических предпочтениях авторов, а также в путях их духовных исканий.

Важным вкладом русских эмигрантов в национальную культуру стали философские и религиозные размышления, их переводческая деятельность, художественное новаторство. В творческих исканиях рассеянных по всему миру русских поэтов-эмигрантов проявились большой потенциал и энергия русского народа, его умение выживать в любых условиях, сохраняя прочную взаимосвязь с традициями русской литературы.

Географическая отдаленность китайского Дальнего Востока от европейских центров русской эмиграции и его оторванность от Советской России стали основой сохранения и развития классических традиций русской литературы, что позволяло не стремиться успевать за «литературной модой». Почти все русские эмигранты, жившие в Китае, считали Н. Гумилева, А. Ахматову, А. Блока и раннего В. Маяковского своими кумирами и следовали принципам их поэтических стилей. Например, В. Перелешин считал себя учеником Ф. Тютчева и М. Лермонтова; А. Ачаир следовал поэтической традиции Н. Гумилева, А. Ахматовой и И. Северянина; А. Несмелов высоко оценивал творчество Н. Гумилева и разделял его увлечение «сюжетной поэзией», внимание к звучанию и живому ритму стихотворной речи. В. Перелешин, характеризуя эту особенность литературы эмиграции, отмечал в своих мемуарах «Два полустанка»: «...Именно этой оторванности от центра дальневосточная литература обязана своим своеобразием» [Перелешин 1987: 27].

Произведения, созданные русскими писателями, философами и иными интеллектуалами, оказавшимися в изгнании, являлись не только отражением судьбы

русского народа и резких перемен, обусловленных трагической эпохой, но и свидетельством огромных усилий, использованных этими скитальцами для сохранения национального самосознания.

Развитие русской литературы за пределами России, глубокие размышления эмигрантов о судьбах человека и народа, их художественные открытия и неустанные поиски национальных истоков демонстрировали богатство культурного наследия и неиссякаемую творческую силу русского народа, открывали дорогу в будущее. Н. Бердяев в книге «Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» [Бердяев 1971: 252] отмечал: «Происшедший у нас разгром духовной культуры есть только диалектический момент в судьбе русской духовной культуры и свидетельствует о проблематичности культуры для русских. Все творческие идеи прошлого вновь будут иметь оплодотворяющее значение».

Список литературы

Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. № 4753. URL: https://imwerden.de/pdf/adamovich_poslednie_novosti_1934%E2%80%93931935_2015.pdf (дата обращения: 23.07.2021).

Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. II: Статьи и рецензии. 1841–1845 / Под общ. ред. Ф. М. Головенченко. Москва: ОГИЗ; ГИХЛ, 1948.

Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971. 258 с.

Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. 437 с.

Иванов Вс. Н. Из неопубликованного. Сборник. Рерих. Художник, мыслитель; Сказание об Антонии Римлянине: Повесть; Воспоминания, рассказы; Беженская поэма. Т. I ПСС. Сост., ред. Т. В. Тигонен; оформ. худож. Т. А. Панкевич. Публик. Ю. Я. Букреева. Москва: АСТ, 1991. 320 с.

Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, кн. Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский. София: Российско-Болгарское книжное издательство, 1921. VII, 126 с. (Утверждение евразийцев. [Кн. 1]).

Кондаков Б. В., Краснаярова А. А. Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–127.

Кондаков Б. В., Чжан Юаньюань. Китайская поэтика в творчестве В. Перелешина // Казанская наука. 2021. № 6. С. 13–16.

Крейд В. Россияне в Азии (Литературно-исторический ежегодник. Торонто, 1994–1997). URL: <http://lebed.com/1998/art648.htm> (дата обращения: 20.05.2021).

Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. / [Сост. Е. Витковский и др.]. Владивосток: Рубеж, 2006. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 558 с.; Т. 2: Рассказы и повести. Мемуары. 730 с.

Перелешин В. Два полустанка. Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая // Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin / Edited in Russian and with an introduction by Jan Paul Hinrichs. Amsterdam, 1987. 159 p.

Перелешин В. С горы Нево: восьмая книга стихотворений. Франкфурт-на-Майне: Изд. автора, 1975. 71 с.

Русская поэзия Китая / Сост. В. Крейд и О. Бакич. Москва: Время, 2001. 718 с.

Сенина Е. В. Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV. Вып. 1. С. 145–153.

Струве Г. П. Русская литература в изгнании / Под общей редакцией В. Б. Кудрявцева и К. Ю. Лаппо-Данилевского. Москва: Русский путь, 1996. 446 с.

Хисамутдинов А. А. Русские литераторы-эмигранты в Китае. Владивосток: Изд-во «Дальневосточный университет», 2017. 125 с.

Цюй Юань. Ли Сао: поэма / [В стихотворном переводе с кит. ориг. В. Перелешина]. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975. 27 с.

Якимова С. И. Литература русского зарубежья Дальнего Востока. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск: Изд-во «Тихоокеанский государственный университет», 2009. 111 с.

汪介之, 流亡者的乡愁—俄罗斯域外文学与本土文学关系述评【M】, 桂林, 广西师范大学出版社, 2008年, 323页。= Ван Цзечжи. Ностальгия писателей зарубежья: Отношения литературы русского зарубежья к литературе на родине. Гуйлинь (桂林 – Guilin): Изд-во «Гуансийский педагогический университет», 2008. 323 с. (на кит. яз.).

Zhang Yuanyuan

Post-graduate student, Russian Literature Department,

Perm State University, Perm, Russia

TWO BRANCHES OF RUSSIAN EMIGRANT LITERATURE: SPECIFICS AND FEATURES OF INTERACTION

Over the past three decades, many anthologies and scientific articles devoted to the most famous Russian emigrant writers in Europe have been published by the efforts of researchers from different countries. However, relatively few studies have been written on the Far Eastern branch of Russian emigrant literature. The article is devoted to the study of Russian emigrant literature's history in the Far East (its formation and development). It compares the Far Eastern and European branches of Russian emigrant literature in thematic and stylistic aspects, reveals the writers from the Far East and the artistic features of their works, as well as their aesthetic preferences and ways of spiritual search. The author comes to the conclusion that Russian emigrant literature's two branches from the very beginning of their origin had a lot in common and were in close interaction; at the same time, there were significant differences between them, manifested in the choice of themes and motives, the peculiarities of individual styles and the system of artistic images, the aesthetic preferences of the authors, as well as in the ways of their spiritual search. Artistic innovation, philosophical and religious thinking, reflected in the works by Russian emigrant writers, as well as their translation activities, have

become convincing evidence of Russian people's amazing creative potential and energy, which allows them to preserve their national identity in any conditions. Further research will help to determine Russian Far Eastern emigrant literature's significance for the development of cultural interaction between the West and the East, formulate conclusions about the phenomenon of Russian Far Eastern emigrant literature and its peculiarity, reveal its place in the historical and literary context of the XX and XXI centuries.

Keywords: literature of the Russian abroad; Russian Far Eastern emigrant literature; literature of Russian European emigration; interrelation; classical traditions of Russian literature; cross-cultural communications.

